

В комнате пахло пирогами, сдобными, пропечёнными, с яблочной начинкой. Бабушка запасала яблоки при первых морозах, резала на четыре части, клала в наволочку и выставляла в холодные сени. К утру яблочки становились льдисто-твёрдыми и слегка прозрачными. Так и хранились чуть не до весны, рачительно расходуемые хозяйкой на воскресные угощения.

Варюшка улыбалась во сне. Эх, давненько она бабушкиной вкуснятины не едала! И вот, наконец, дождалась, поспел-зарумянился бочок сладкого, духмяного... Когда только ухитрилась бабушка печку натопить да состряпать так, чтоб Варюшка не учуяла даже! Чтоб и сахарной присыпки не лизнуть, пока тесто поспевало. Но зато сейчас, вот только глаза откроет и...

Веки не слушались, разомкнуть ресницы никак не получалось, и вместо аромата яблочного — ядовитая горечь резко и сухо перехватила горло, грудь сдавило от нехватки воздуха. Даже голову повернуть Варюшке удалось с трудом. Преодолевая навалившуюся на неё тяжесть, злую неведомую силу, лишившую способности видеть, свободно двигаться, она заставила себя скатиться с кровати вниз, на пол. Зажала рот рукой, спасаясь от жёсткого сухого кашля. Наконец, слёзы промаслили глаза, и она вроде разглядела мутные очертания комнаты. Даже не пытаясь встать, из последних сил поползла к двери. Воздуха в груди уже не было, сердце выскакивало и билось в виски, глаза — горячие угли, кажется, вот-вот разорвутся, рассыплются! “Умираю! — ужасом полыхнуло в мозгу. — Люди! помогите! Умираю...”

Она доползла до двери и, теряя сознание, всё же успела, смогла толкнуть, распахнуть её. Сколько пролежала под порогом — не помнила, как и то, когда смогла преодолеть сенцы и торкнуть дверь входную. Морозный воздух с улицы прочистил лёгкие, в глазах прояснилось. Перевалившись на крыльцо, Варя попыталась было привстать, но не смогла, приступ тошноты выворотил внутренности. Тело колотило от мороза, пробравшегося даже под мышки, ведь одна ночнушка на девчонке, а ступени крыльца колючим инеем закуржавели. Возвращаться в хату за тёплой кофтой она не решилась, нащупала какую-то тряпку в сенях. Прикрыла плечи и сползла по ступеням во двор. Рассвет окрасил край неба бледной розовиной, значит, соседка тётка Настя уже на ногах. А вот у Варюшки встать на ноги никак не получалось. Сильно кружилась голова... Медленно, на четвереньках, она смогла доползти до забора и только там приподнялась, потом, перехватывая жерди ограды, добралась до калитки соседки и закричала:

— Тётя Настя!.. Тётя!.. Тётя... Настя...

Та выскочила, не успев даже покрыть платком голову:

— Это ты, Варюшка?! Вот испугала! Голос, как из преисподней.

— Угорела я, тёть Насть... заслонку в печке закрыла рано...

В школу в тот день Варюшка не пошла. Лежала в просторной горнице у соседки, пока та, управившись с хозяйством, выстужала-проветривала хату Варюшкину. Больше помочь некому, девчонка — круглая сирота. В три года потеряла родителей. В пятнадцать осиротела окончательно — умерла бабушка. Самый близкий, дорогой человек. Бабушка воспитывала Варюшку после гибели родителей, жизнь которых оборвалась студёным зимним вечером на ледяной автотрассе. Мать свою Варюшка не помнила, всё самое дорогое и нежное связано было с бабушкой. И вспоминая или представляя маму, неосознанно она ставила на её место бабулю Тасю... А та растреивалась, вздыхала о дочери, старалась побольше о ней рассказывать внучке. Бледно-васильковые глазки баб Таси болезненно слезились, сухая кожа на лбу собиралась мелкими складочками. В какой-то момент бабушка вдруг замолкала на полуслове, и Варюшке казалось, что это она нечаянно помешала рассказу. Наверное, так и бывало. Но однажды, набравшись духу, бабушка всё же договорила и призналась в невозможном! Оказывается, Лена, мама Варюшкина, не родная в семье. Своих детей Господь супругам Таисии Петровне и Матвею Захаровичу не дал. На втором десятке лет совместной жизни взяли они свою Ленушку из “Дома малютки” совсем крохой, и росла девчужка в любви и заботе, радовала родителей приёмных. И кто бы знал, что сиротская судьба от матери передаётся в наследство Варюшке!

Рыдала тогда бабушка, убивалась, но принять ответственность за судьбу Варюшки, не посоветовавшись с внучкиной кровной роднёй, не решилась. И дед Матвей не стал спорить, кивнул, поддакнул супруге. В ту пору был он ещё вполне моложав и розовощёк, крупная лысая голова крепко сидела на покатых плечах, на которых так любила кататься внучка. Умер дедушка годков через шесть, когда Варюшке исполнилось восемь.

Не дождавшись ни от сватов, ни от иных родственников отца Вари никакого ответа, бабуля набралась смелости и со словами: “Пойдёшь к бабе Лиде?” — взяла Варюшку за руку. Двинулись они на дальний край деревни, где жили сваты. Оттепель за день разрыхлила дорогу, снег чавкал под ногами. Бабушка охала, причитала, мол, валенки Варюшкины промокнули, и разболеется девчужка после похода этого. А та шагала притихшая, будто и вправду чувствовала, что судьба её решается.

Когда подошли к дому, уже смеркалось. Бабушка робко заглянула в окно, видно было, как за большим столом собрались вечераً дед Демьян Иванович, его невестка, трое внучат от старшего сына. Стукнула бабушка кулачком по стеклу, через короткое время занавеска задвигалась и выглянула телесистая старуха в пёстром халате. Видно, узнав пришельцев, быстро мотнулась в сторону.

— О! Хоть бы знак какой дала, — постаралась заглянуть подальше в комнату баба Тася.

— Ба, и мне покажи, и мне!

Бабушка не без труда подняла девочку повыше, приблизила к окну. Оглядывая открывшуюся ей большую комнату, Варюшка ухватила взглядом фигурки ребятишек за столом, их мордашки весёлые, широкоскулое смуглое лицо деда, он смотрел в сторону окна.

Варюшку снова поставили на землю. Прошла минута и, наконец, отворилась входная дверь.

— Кто там? Чего хотели? — фигура в тёмном проёме так и не проявилась, только голос.

— Лидия, я вот внучку вам привела... Примете?

— ...Какую внучку? — раздалось из темноты. — А наши все дома! — сухо отрезала хозяйка и поспешно захлопнула дверь.

Больше Варюшку в гости к родственникам не водили. А у неё в памяти остался голос старухи и озорной галдёж ребят в хате. “Весело у них”, — думала она, послушно шагая за сердитой бабушкой. Когда вернулись домой, бабуля плакала и долго молилась на икону Богородицы, что висела в углу горницы. Дед Матвей, хмуро поглядывая на неё из-под толстых очков, сидел с газетой. Позволил Варьке дольше обычного возиться с котёнком. И, загоня её в постель, твёрдым голосом поставил точку: “Наша ты, Варюшка, наша!.. Слышь, мать? Наша Варька!”

— Тётъ Насть, вы только директору школы не говорите про то, что случилось. А то он точно в детдом отправит... — Варюшка облизывала пересохшие губы, в голове немного стихло, но оторваться от подушки, даже повернуть голову она не решалась.

— А как жить будешь? Вдруг опять с заслонкой не совладеешь?

— Совладаю, сумею. Баба Тася научила. И Владимир Александрович обещал, что в детдом меня не отдаст. Под свою ответственность комиссии обещал. А теперь, если узнает, вдруг передумает?..

— Ладно... поглядим.

— Не хочю я в детдом, сама справлюсь!

— Я к тебе и по вечерам теперь приходить буду, проверять, чтоб не угорела больше... На, попей молочка парного, пока тёплое. Открой глаза, Варька!

Варвара Семёновна Усачёва вздрогнула и проснулась. Некоторое время не могла понять, где она, что происходит. Сон из давнего прошлого, в котором снова пришлось ей пережить страшное сиротство, холод выстуженной хаты, беспросветное одиночество представились так ярко и зримо, что впору забыть пролетевшие пять десятков годков. И поверить, будто она девчонка тонконогая. И нужно заканчивать восьмилетку, ехать в областной центр, сдавать экзамены в торговый техникум. И будто впереди ещё встреча с суженым, рождение сына, впереди годы обретения счастья: выстроен дом, и живёт в нём теперь большая семья. Под одной крышей живут Варвара Семёновна с супругом Виктором Сергеевичем, сын Роман с невесткой Ириной да четверо внуков. Старшей, Анфисе, — четырнадцать, Олеся — десять, Захар младше на девять месяцев, а Игорьку седьмой год пошёл.

И даже трудно теперь определить, что в этом счастье главнее. Встреча с застенчивым добросердечным Виктором в застойном семидесятом? Когда ещё верили в реальность построения коммунизма, искренне пели “Комсомол — не просто возраст, комсомол — моя судьба”. На продуктовых полках в сельпо стояли ржавые огурцы в трёхлитровых баллонах, да лежали вафли “Лимонные” в промасленных обёртках.

Подруги Варвары по комсомольским путёвкам уезжали на “стройки века” — Саяно-Шушенскую ГЭС и Байкало-Амурскую магистраль, и она тоже мечтала стать ударницей какой-нибудь великой комсомольской. Но Виктор, а в то время они уже поняли, что должны быть вместе, страдал куриной слепотой. С наступлением сумерек он терял зрение и практически не мог передвигаться. Предупреждали Варвару подружки, мол, намаешься с инвалидом.

Но Варвару разве сломить? Влюблённые решили после свадьбы пересечь на Кубань, где много солнца и не бывает длинных тёмных холодных зим, как в матушке-Сибири. И вот сорок лет замужества пролетели одним ясным днём.

Но разве случилось бы счастье, если б не рождение сына? Для Варвары, как услышала она, наконец, “басок” Ромашкин, мир поменялся. Наполнилась жизнь до краёв: главный человек — сыночек, родная кровиночка, появился на кубанской земле, в городском посёлке, что расположен в предгорье Черноморском!..

Он подрастал, вырослел, и всё больше крепла связь матери и сына. Варвара любила и гордилась сыном. В самом деле, он лучший — умный, похорошему упрямый, внимательный, трудолюбивый. Вот хотя бы случай с химией и геометрией, которые поначалу никак не давались мальчишке. От предметов этих в первый год изучения — слёзы одни. Двойки сплошные! Но по прошествии времени и в химии, и в геометрии сын блеснул не раз. Последняя заинтересовала Романа после фильма “Укрощение огня”, снятого по биографии легендарного Королёва. Так потряс мальчика рассказ про конструктора ракет, легко справлявшегося со сложнейшими формулами и расчётами, что чуть ли не на следующий день мальчишку от учебника геометрии оторвать стало невозможно. Он заново проштудировал программу шестого класса, самостоятельно освоил новый материал седьмого и принял за восьмой. Причём иногда находил даже собственные варианты доказательств теорем. И каждый раз математичка Тамара Николаевна, поставив отличную оценку в журнал, оглядывала класс с видом победительницы!

Из-за “страшной” химии, не понятой им с первых уроков, Роман чуть не стал второгодником. Хотя в следующем классе именно Ромашка защищал честь школы на районных химических олимпиадах, даже сам удивлялся! “Химическую” историю Варвара относил к проблеме учительской, а может, к не осознанной сыном влюблённости. Иначе как объяснить, что с уходом “химички” в голове Романа наступило просветление. С новым педагогом он быстро разобрался в химических реакциях. А до этого почти год один взгляд на Ольгу Александровну, точёную брюнетку со строгим голосом, лишал парня сообразительной способности. Не помогали ни учебники, ни подсказки и списывание у соседа.

Когда однажды, на одном из открытых уроков, где по уговору предстояло ему блеснуть знаниями, Роман узнал в присутствовавших ту самую брюнетку, в голове ученика снова помутилось. Едва-едва победитель олимпиад пролепетал ответ на вопрос, заданный педагогом.

Со школьных лет о своих тревогах-заботах Роман привык откровенничать с матерью, делился с ней юношескими переживаниями. Варвара Семёновна дорожила доверием сына. Сомнения его старалась разрешать, вселяя уверенность в себе, поддерживая во всём.

Когда Роман женился, потребность в откровенных разговорах не исчезла. Реже только случались они, ведь жила теперь в семье Усачёвых любимая Ромашкина жена — Ирина. Вошла она в дом — и будто всё вокруг осветила! До чего хороша Ирина! Русоволосая, голубоглазая. Высокая, тонкорукая, а главное — спокойная и терпеливая, с улыбкой кроткой. Кажется, и не бывает таких, остались только в сказках да былицах — ан нет! С Ирины местный художник портрет писать хотел, до того хороша! Но некогда Ирине позировать, детишки один за одним, надо и за малышами приглядывать, и в доме попевать, и на работу бежать — она в школе учительницей английского работала.

Конечно, и Варвара Семёновна сложа руки не сидела, забот столько, что только успевай управляться! Огород в пятнадцать соток, подворье с курами, утками, кролями. С появлением внуков Усачёвы завели корову. Роман с отцом сено заготавливали, Варвара Семёновна скотину обихаживала. И представить не могла, что, когда станет пенсионеркой, забот и трудов у неё только прибавится! В трудовой книжке Варвары всего-то несколько записей, главная из которых — продавец продуктового магазина. Семёновну, как называли её в округе, покупатели уважали, в трудную минуту она могла выручить: отпустить товар в долг. Обладала Варвара Семёновна редким даром —

чувствовать людей. Получалось у неё распознать, кому помочь надо и кто не обманет, вернёт деньги в условленный срок. Да и доброжелательность продавщицы, глаза её внимательные и улыбочивые привлекали. Но, достигнув возраста, ушла на “пенсионные хлеба”, потому что на семейном совете решили, что бабушка Варя внукам нужнее.

Заботы о ребятишках стали для Семёновны самыми важными. Анфиса родилась здоровенькой и крепенькой. Рано научилась ходить. Всегда выглядела старше своих лет — рослая, ширококостная, румяная, с толстой пшеничной косой через плечо. Любила рисовать, и ещё в начальных классах родители отдали её в художественную школу. Бабушка Варя каждый раз с удивлением и гордостью наблюдала, как умело штрихует внучка гладкие альбомные листы. И появляются на них вазы и кубы, профили гипсовые. Акварельными красками выписывала Анфиса узоры — цветы красоты небывалой. И часто рисовала свой дом, а на крыльце — вся семья Усачёвых.

На руках у отца — сестрёнка Олеся. Хотя родилась она второй, но всегда считалась младшей, уж слишком маленькой появилась на свет — всего девятьсот граммов. Олеся смотрела на мир наивными зелёными глазами в длиннющих ресницах, природная хрупкость делала её существом почти неземным. Она часто болела, отставала в развитии и при этом была любимицей семьи, особенно отца, который не спускал её с рук, как только ступал на порог дома.

Третий ребёнок — Захар — появился на свет через десять месяцев после рождения Олеси и, кажется, получил все таланты. Рано обнаружили в нём математические способности. Он в пять лет научился умножать в уме двухзначные числа, запоминал стихи с первого-второго раза, в шесть уже бегло читал и, научившись писать, почти не делал ошибок. В общеобразовательную школу он пошёл на год раньше, чтобы учиться в одном классе с болезненной Олесей. Родители рассудили, что умный мальчик будет помогать сестрёнке. А со старшей Анфисой Захар захотел учиться в художке и тоже радовал “пятёрками”.

Четвёртым в семье Усачёвых стал Игорёк, здоровяк, как папа, и стеснительный молчун — копия дедушки. В пять лет его вместе с Олесей и Захаром отдали в спорт — на вольную борьбу, как раз открылся кружок при школе. На семейном совете договорились, что худышкам Захару с Олесей закалиться надо, окрепнуть, а Игорёк пусть за старшими тянется, к школе привыкает! И, на удивление, парни Усачёвы стали добиваться успехов! На соревнованиях в своих возрастных группах они побеждали соперников. Захар, несмотря на хрупкость, брал умением правильно выбрать и употребить приём. А Игорёк — напором! Не давая сопернику опомниться, с ходу клал его на ковёр.

Как гордилась баба Варя внуками! И Анфисочкой, серьёзной, работающей. И красавицей Олесей, лёгкой, словно пушинка, ласковой, улыбочивой, и талантливым Захаром, и широкоплечим молчуном Игорем. А уж когда им на грудь медали пластмассовые вешали, грамоты вручали, глаза бабушки наполнялись тёплой влагой, и сердце билось у самого горла. Как же благодарил она Бога за счастье! Украдкой смахивала сладкую слёзку, глядя на внучаток.

...Беда подкралась незаметно. Стала чахнуть Ирина. Всё сильнее Варвара Семёновну пугала её болезненная бледность. Невестка сначала не признавалась в хворях своих, потом отнекивалась, мол, и сама понять ничего не может — то в одном, то в другом месте ноет. Так к какому специалисту обращаться? Стала прихрамывать, уже плохо справляясь с болью таблеток, что шла она украдкой. Испуганные дети бежали к бабушке: “Мама плачет!”

Но заставить Ирину идти к врачам Варвара Семёновна не могла. У той всегда отговорки: то дети приболели, то в школе комиссия работает, то обязательно надо каникул дожидаться! И тогда свекровь взяла её за руку и чуть не насильно повела к хирургу. Сделать это, конечно же, должен был Роман, месяца на два раньше. И Варвара Семёновна его к этому понуждала. Сын лишь хмурился да отматчивался.

В этом его молчании Варвара Семёновна подозревала не только растерянность, но и страх, желание спрятаться от неприятностей. А может, легкомыслие? Мол, всё капризы бабы... Поменьше прислушиваться к болячкам надо. Последнее время сын замкнулся, меньше бывал дома, отговариваясь работой в магазине, где он продавал автомобильные запчасти в техсервисе. А ведь именно теперь нужны были действия!..

Из поселковой поликлиники свекровь с больной невесткой направили в район. Гоняли по кабинетам от хирурга к травматологу, к ревматологу, ангиохирургу, терапевту. Ирина сдавала бесконечные анализы, проходила обследования. Каждый специалист обнаруживал свои заболевания и назначал лечение. Ирина подчинялась указаниям, но страдания только увеличивались. Невестка таяла на глазах.

Особенно мучительное колотье в ноге случалось ночью, и уже никакие лекарства не помогали! Свекровь, слыша стоны Ирины, и сама замирала от боли, пронизывавшей сердце, от внезапных судорог в лодыжках. На самом деле заболела Варвара Семёновна или это только самовнушение, попытка представить страдания невестки, она так и не разобралась.

Роман жаловался матери, что не высыпается. И с наступлением тепла из супружеской спальни перебрался даже не на второй этаж, где располагались дети, а на чердак, оборудовал там лежанку. Он будто сторонился Ирины. Или уже с трудом узнавал в измождённой её фигуре свою любимую жену. Завтра с ребята легла большей частью теперь на плечи деда. И, конечно, старшая Анфиса управлялась в доме на правах хозяйки, пока мама с бабушкой по больницам мотались.

На второй месяц мытарств Варвара Семёновна повезла невестку в краевую онкологическую больницу. Но и там не могли поставить окончательный диагноз. Семёновна добилась приёма у заведующего отделением Михаила Ивановича Грекова, грузного, с одышкой, с прожигающим взглядом голубых глаз и не по-мужски изящными ухоженными руками.

Сердито взглянув на вошедшую из-за заваленного папками и бумагами стола, он недовольно молчал, просматривал какие-то выписки. Усачёва решила на распросы, врач перебил её:

— Так что вы от меня хотите? Неужели вы думаете, что кто-то из нас не желает выздоровления вашей невестке? Тем паче — мы не хотим её лечить! В том-то и дело, что я даже консилиум собирал по вашей проблеме. ...Должен признаться, наша больница переживает нехорошее время... Много врачей опытных мы потеряли. Может, пояись вы полгода назад, вышло бы по-другому. А пока нет единого мнения по вашему заболеванию! Нету! Очень редкий случай! ...Но вот мой совет: так как в Москву посылать бесполезно — откуда у вас деньги на столичную операцию? — езжайте домой. Как раз в районной поликлинике работает лучший, на мой взгляд, онколог именно по вашей проблеме. Берите выписки — езжайте к нему, пусть решает. Моё мнение — нужна срочная операция...

В тот же день, приехав домой, Варвара Семёновна успела записать Ирину на приём в поликлинику. Поздним вечером, уложив внуков, долго прислушивалась к стонам Ирины, и в голове мутилось от бессилия и жалости к ней.

Поговорить с сыном не удалось, он поужинал и сразу поднялся наверх. В спальню к Ирине не зашёл даже. “Что ж, пусть отдохнёт...” — укоротила своё сердце Варвары Семёновна, а в душе-то скрежет зубовой.

Понимая состояние жены, Виктор Сергеевич пытался как-то успокоить, отвлечь свою Варюху. Рассказал о проказах Игорьька, о том, что кролиха окотилась, а куры плохо несутся и скорлупа на яйцах слабенькая. Потом всё-таки сбился на Ирину... Ночь прошла в разговорах, и лишь к утру супруги задремали.

Районный онколог Иван Витальевич Лукин, высокий, сухой, с восковым гладким лицом, недовольно поджал губы, рассматривая бумаги пациентки.

— Вы, как мне известно, многодетная мать? — медленно произнёс и взглянул на женщину. — Оформляйтесь в стационар. Операция послезавтра.

Стоя в коридоре у дверей операционной, Варвара Семёновна то шептала молитвы, то вовсе забывала все слова на свете. Проходили минуты, складывались в часы, второй, третий... “Да что ж за доля такая! Неужто и внуки мои сиротами расти будут? Ириночка, цветочек мой ненаглядный, сколько ж пытке длиться?..”

И вот Варвару тронул за плечо хирург. Как не услышала шагов его за спиной, словно сознание отключилось!

— Иван Витальевич, что с Иррой?!

— Да уж, задали вы мне работёнку! Редкая форма рака у вашей невестки! Часть кости растворилась буквально. Пришлось ложкой вычёрпывать — вот как! И выжигать всю заразу! Но не переживайте. У меня ни одна клеточка раковая не проскочит! Всё уничтожил. Будет жить! Вылечим.

И потянулись месяцы восстановления. Варвара Семёновна полностью принадлежала невестке. Дежурила неотлучно у постели после операции. Стало Ирине легче — навещала больную по два раза в день. Откармливала, отпаивала. Готовила на пару брокколи, цветную капусту, доставала бурые водоросли, льняное и кунжутное семя, пичкала куркумой и китайскими грибами шиитаке. За первой операцией последовали вторая, третья. Их сделали уже в краевом центре. Врачи обещали, что невестка сможет ходить без костылей. И Варвара Семёновна ринулась по кабинетам краевых начальников, добиваясь для больной льготных лекарств, потом бесплатного протезирования! Пришлось и в районе хлопотать, писать челобитные. И получилось! Прошёл год — Ирина передвигалась самостоятельно, опираясь на палочку. Прихрамывала. Длинная юбка, как раз мода на такие началась, полностью скрывала дефект ноги. И вместе со здоровьем понемногу возвращалась красота Ирочкина. Распрямлялась молодая женщина, поднимала голову, обречённо опущенную, уже чуть румянились щёки, блестя глаза. “Молодец, Ирочка! Ой, как хорошо вышагиваешь!” — сияла свекровь.

Но очень скоро снова пришлось каменеть от горя...

Ещё в детстве Роман увлёкся автомобилями. Машинки всегда были главными его игрушками. И ещё — карандаши. В третьем классе Варвара Семёновна отдала сына в художку, где он стал примерным учеником. И через пару лет стены дома украшали картины, настоящие, маслом писанные, изображавшие если не машинки, то дорогу. Продолжить образование Роман решил в автодорожном техникуме, успешно окончил его. Но творчеством заниматься не перестал. В шкафу на полках стали появляться уменьшенные копии авто: спорткары, грузовики, внедорожники, болиды, минивэны, кабриолеты. Многие из них делал сам: выпиливал, вытачивал детали, раскрашивал. Дорогущие краски втайне от Варвары покупал ему отец.

Конечно, с обретением собственной семьи времени на машинки не хватало. И Роман нашёл выход — мастерил их теперь ускоренным способом — делал из бумаги. Деревянные старенькие модельки отдавал подрастающим сыновьям за “пятёрки” или в день рождения мальчишек, а бумажные — никак не соглашался. Все в доме знали: полки с автомобилями, особенно ретро-серии, — неприкосновенны.

Во время болезни Ирины Роман тянулся к заветным моделькам чаще, чем о жене вспоминал. Душу свою заспал будто. Не чаяла теперь Варвара Семёновна, как всё у них с Ирриной сложится...

И произошло невозможное — Роман сбежал от жены и детей. Собрал чемодан, сложил в картонный ящик машинки, над которыми последний год мараковал, крепко перетянул его шпагатом и, ни на кого не глядя, объявил, что уходит из семьи, потому что полюбил другую женщину.

Снова взглянуть в глаза своему сыну Варвара Семёновна смогла только через год и четыре месяца...

Самым страшным стал первый месяц разлуки. Что бы ни делала, с кем бы ни говорила, о чём бы ни думала Варвара Семёновна, все мысли

были о Романах... А нужно улыбаться невестке, внукам, соседям. Мужу Виктору, который совсем поседел и опустил плечи. Больше всего Варвара Семёновна боялась за Ирину, ослабнет — болезнь снова вернётся!

И сама Варвара Семёновна ощущала порой тошнотворную слабость, казалось, шага не сделать, уходит-исходит жизнь. Да только не в чёрную землю сила уходила, а в ребятишек. Во внуков! Они про папку своего каждый вечер вспоминали, особенно Олеся, любимица отца. И что ответишь им? Какою прибауткой-сказкою развеешь тоску детскую?

Да и не до сказок теперь. Кушать дети просили с раннего утра — вынь да на стол положи, бабушка! Где ж взять на четверых деток да троих взрослых? Вот и крутись с утра до вечера, про слабость свою не вспоминай даже. Чуюк приткнулась на кровати, глаза смежила минут на пять — и за дело!

Роман не только чемодан с вещами вынес из дома, он и гараж оставил пустым — укатил в новую жизнь на “рабочей лошадке” “Ниве”. Даже адреса не оставил! Скрывался от жены больной и нелюбимой, от детей своих малых, от родителей... Когда сын стал таким бездушным? Ведь ласкался он к матери пацанёнком белоголовым. Млел от счастья, целуя пяточки младенчиков своих, Ирину на руках таскал! А только куда ж всё делось?.. И какая женщина приняла его, зная, что обрекает Роман семью на нищенство и выживание?

“Почему так произошло?.. — неотступная мысль сверлила голову Варвары Семёновны. — Любил он Ирочку и детей!” — хотелось ей крикнуть на весь посёлок, на весь свет. Чтоб не только соседи услышали, а сам Роман вздрогнул и откликнулся, наконец!

Варвара Семёновна ругала-кляла себя, долю свою сиротскую, которая внукам передалась. “Боялась — без матери останутся, а вышло — сироты при живом отце”.

Вставало солнце, и надо было будить внуков, отправлять их в школу. Да управляться с делами пошибче. Придут школьники — сразу за стол. Бабушка, не мешкай, обед подавай. А то им в художку бежать, в кружок спортивный. Склонялось светило к горизонту, ребятиню усаживали за уроки. Надо проследить за каждым: проверить тетрадки, дневники, разобраться с заданиями домашними. А ещё нарисовать, склеить, раскрасить. Невестка не могла совладать со всеми. На помощь приходила бабушка.

Радости, обиды, жалобы, заветные желания внуков доверялись ей. Дети порой боялись ненароком огорчить мать, свои секреты и мечты несли бабуле...

— Ба, а ты мне чупа-чупс купишь? С апельсином и жвачкой? — с этим обычно приставал младший.

— Куплю, обязательно, вот пенсии дождусь... А пока я тебе селёдку принесла из продмага нашего.

— У-у, селёдку лизать разве можно?! Чупа-чупс принесёшь?

Варвара Семёновна молча кивала в ответ.

Математик Захар любил задавать задачки.

— Бабуль, вопрос на логику: как поделить 188 поровну, чтобы получилось 100?

— Это невозможно...

— Подумай логически! Простая задачка!

И она думала или делала вид, что усиленно соображает. Пока внук, победно глядя на спасовавшую бабушку, брал карандаш и проводил линию поперёк восьмёрок — они тут же превращались в нули.

— Ай! Да это обман! — вспархивала Варвара.

Захар бросал невозмутимо:

— Я ж говорил: подумай логически!

Олеся шептала про мальчиков-турок, которых много училось в их классе, и они ей проходу не дают! И даже домой из школы провожают. И ещё, как она соскучилась по папе! Теперь никто не берёт её на руки...

Старшая Анфиса, поджав губы, цедила, что только у неё в классе нет мобильного.

Варвара Семёновна успокаивала, утешала, уговаривала. “Надо подождать... всё будет хорошо. Всё наладится”, — шептала, пряча усталые глаза. Особенно, если неподалёку находилась невестка.

Иришка теперь часто стояла у зеркала. Что высматривала? В чём пыталась разобраться, внешность свою изучая? Варвара считала её самым слабым членом их большой семьи. Глава которой, конечно, — Варвара Семёновна.

И сила ей нужна, и мудрость, и терпение. А брать откуда? Просила Варвара Семёновна у Господа прощения за грехи свои. Как не рассмотрела червоточину у Романа? Как воспитала таким? Когда попустила? Где проглядела, в какое время?.. “Грешна! Господи, прости окаянную! И вразуми сына моего. И молитвами его помилуй мя грешную... Сказано: “Не оставляй умной и доброй жены, ибо достоинство её драгоценнее золота”. А Роман на что позарился? Грех какой страшный... Да думает ли он про то? Говорила ли с сыном про грехи смертные? А теперь поздно...”

К концу года после ухода Романа, израсходовав все запасы терпения и надежд, Варвара сама отнесла заявление в суд. Тонкими пальчиками секретарша с птичьими разноцветными волосами приняла исписанный мелким почерком листок и прилагаемые к нему справки. Потом Варваре указали день судебного разбирательства. И через месяц Романа объявили в розыск. Суд вынес решение забрать имущество сбежавшего, его машину, в счёт алиментов.

А ещё через месяц Варвара Семёновна слышала голос сына. Роман звонил матери со скрытого номера, боялся себя обнаружить. Кто-то из доверенных людей сообщил, видимо, ему новость про розыск и арест имущества. Потому после слов приветствия и короткого рассказа о житье-бытье (мать узнала, наконец, что проживает он в Ставрополе, жену его новую зовут Евгения, она хорошо разбирается в машинах, работает в автосалоне, у неё трое детей: старшие уже обзавелись своими дворами, младшая в школе учится) Роман стал жаловаться:

— Мама, Женя заболела. У неё онкология. Обследование мы прошли. Диагноз окончательный. Теперь нужна операция, лекарства дорогие очень! А вы ещё машину забрать хотите!..

Варвара Семёновна, затаив дыхание, слушала сына, владевших ею чувств накопилось так много, что она никак не могла справиться с собой, не умела, боялась заговорить. Но волнение матери пересилило её же негодование, голоду в трубке нельзя не сопротивляться! И тогда, не произнеся ни слова в ответ, она нажала на красную кнопку телефона, сбросила вызов, потом совсем отключила аппарат и осторожно положила его перед собой. Сколько сидела над телефоном — не помнит. Наконец, дыхание её выровнялось. И вспомнилась картина из далёкого детства: чёрная прореха в проёме двери, голос старухи из пустоты: “А наши все дома...” Подошла к окну — тьма крошечная. Не видно ни зги. “Конечно, днём он позвонить не мог...”

Роман пришёл месяца через два после звонка, в конце мая, точно высчитав время, когда ни Ирины, ни детей дома не было — начался второй урок в школе. Уехал и дед — на велосипеде за травой для кролов. Варвара Семёновна сидела на кухне, чистила картошку для борща. И обмерла, увидев в окне Ромашку, в незнакомой клетчатой куртке, старой кепке, что когда-то купила ему на рынке. Фигура сына изменилась — похудел, ссутулился. Роман приблизился, и разглядела мать или показалось только ей обветренное лицо, безнадежную усталость в глазах.

Вошёл он в комнату уверенно. Она встала ему навстречу. Их взгляды встретились — будто птицы испуганные порхнули! Но через мгновение мать отвела глаза, снова присела на табурет, положила ножик перед собой на клеёнку. Опустила голову.

Он было двинулся к ней, чтобы обнять, но Варвара Семёновна не шевелилась, и сын запнулся, не решился подойти ближе.

Первые его слова она хорошо слышала, поняла смысл каждого слова, только сложить эти смыслы вместе у неё не получалось. Она не могла соединить слышимое и происходящее в ту минуту вокруг неё. И только через время, усилием воли Варвара Семёновна заставила себя верить словам Романа.

— Мама, она так хочет жить... Мне так жалко её! Операция не помогла, нужно делать вторую, — наконец, прояснилось в сознании Варвары, и она не удержалась, вздохнула горестно. — Ты понимаешь, как мне тяжело? Я совсем один, мама! Женя в больнице, а мне даже поговорить не с кем! Ты помнишь, как мы с тобой обсуждали всё?! Ещё с детства... Помнишь?.. Я же привык к нашим с тобой разговорам!

Варвара Семёновна почувствовала, как горячая волна ударила в лицо и сердце. “Хоть бы не упасть, выдержать...” Конечно, она помнила откровения Романа, помнила родинку за ухом, помнила запах его волос, когда прижимала к груди голову сына и шептала на ухо слова ласковые, которые никто в целом мире, кроме её Ромашки, не расслышал бы. Значит, не те слова говорила! Не смогла главное объяснить сыну, сердце его не распознала, не почувствовала! Мать ниже наклонила голову, чтобы не видеть даже края одежды Романа. Но как хотелось ей кинуться к нему, обнять, прижаться к своему мальчику! И нельзя даже глаз поднять... Она боялась, что, взглянув на сына, не выдержит — забудет все обиды. Простит, как нашководившего ребёнка.

“Я не должна смотреть на него. Ирина мне верит. Если прощу Романа — как ей жить? Нельзя за её спиной. Нельзя!”

Варвара Семёновна всё ждала, что сын скажет о совершённой им ошибке. Раскается. Повинится, ведь он любит детей, не может жить без них... Но Роман говорил только о себе и болезни своей новой супруги. Так и не дождавшись даже взгляда от матери, он ушёл.

И будто солнце закрылось, а не дверь входная. Дожди, дожди, дожди зачастили, засеяли. Серая муть, закрывшая голубизну небес, сначала даже радовала: в пояс поднялись травы, смачно хрустели первые июньские огурчики, доставшиеся на обед внукам, а кусты картошки на огороде рванули и ввысь, и вширь, так что урожаём обещался невиданный.

Варвара Семёновна старалась каждый вечер выходить в огород. Грядки упирались в гору, полого уходившую вверх, покрытую пятнами кустарников, стайками деревьев, чьи кроны на высоте сливались в курчавый “мох” и упирались на вершине в скальные породы. Слева по склону, метрах в пятидесяти, среди густой листвы просвечивала жёлтая крыша почти игрушечного домика, там жил пасечник. Рядом с его подворьем открывалась большая чистая поляна, вся усыпанная горичцветом! На малахите трав играли алые огонёчки. Смотрела на них Варвара, и на душе полегче становилось, и вроде виднелись голубые просветы среди тяжёлых туч.

Но лужи не успевали высыхать. Полез сорняк, прополка откладывалась — на грядки не пройти! В конце июня ударили жестокие грозы, “покосили” травы, распластались по земле стебли картофельные. На первой неделе июля ливень не прекращался два дня. Водяная стена будто соединила небо и землю, и в этой стене не было окошек... День, ночь, ещё один день беспрерывно лилась вода под воплохи молний. Горы, окружавшие городок и прилежавший к нему посёлок, кипели влагой, грозя обрушить её.

“А мы в низине! — с тревогой думала Варвара Семёновна. — Господи, помилуй люди Твоя!” Крыша дома гудела от толстых струй, гвоздивших шифер, дождь неистово долбил стёкла окон. Громы бухали так, словно раскалывали скальные глыбы, и ветер всё жёстче швырял потоки воды на склоны, на дома и постройки, на деревья и поникшие растения.

К концу вторых суток к десяти вечера вода устремилась в дом. Почти мгновенно промочив ковровые дорожки, холодная муть прибывала с невероятной скоростью! Откуда пришла? Почему хлынула так, будто открыли шлюзы?

— Мам, там поток несётся бешеный! — метнулась к окну Анфиса.

— Кругом вода! До неба — вода! — вслед за сестрой закричал Захар, прилипший к стеклу.

— А ну, быстро наверх! Анфиса, собери детей! Где Олеся? В ванной? В туалете никого? — вскочила с дивана Ирина. — Анфиса, забирай малых! Скорее! Скорее! На второй этаж!

Дождь уже не шумел, а ревел за стенами! Нечто страшное ударялось в них, стремясь проникнуть в дом, который, казалось, дрожал и вибрировал. И даже раскаты грома теперь не различались.

— Боженька, что это? — Варвара Семёновна вышла из спальни и с ужасом смотрела на быстро уходящие тапки. — Витя, наводнение! Витенька, Ира!

— Гоните детей из кухни наверх! — завопил дед. — Варя, вещи спасайте! Документы где? Ух ты... Как быстро поднимается! Еду надо брать! Воду! Чем мы поить их будем? И свечи, спички! Фонарик где?

Варвара Семёновна с Ириной, выполняя его распоряжения, бестолково шарахались по комнате уже по колено в воде. Что брать? Плед? Куртки детские? Ловить плавающие ботинки? Хватать еду!

— Мать, шевелись!

Дрожащими руками Варвара искала свечи, спички, сгребала с полки сухари и консервы. Ирина переправляла детям схваченное наспех со стола: початую буханку ржаного хлеба, пакеты с конфетами и печеньем.

— К холодильнику не подходите! Варя! Всё! Поднимайтесь наверх! Идите с Ирой к детям! Я сам здесь!

“Как же сам, если незрячий! И ходишь еле-еле!” Она обернулась на мужа, но как поспоришь? Страшная вода выше колен! Варвара Семёновна подтолкнула невестку, увлекая за собой на лестницу.

— Варя, свечи нашла?!

— Нашла! Нашла!

— Быстро наверх! — кричал Виктор. — Я свет отключаю!

Дед смог-таки “доплыть” к счётчику, вырубил электричество. В темноте, уже по пояс в воде, медленно добрался до лестницы.

— За пять минут затопило нас! — дед подтягивал себя со ступеньки на ступеньку, выбираясь из воды.

— Светопреставление прямо... А почему никто не предупредил о наводнении? Почему не спасают?! Где власти? — возмущалась Ирина.

Дед грубо выругался. Он стоял на верхних ступеньках лестницы.

— А может, власти и устроили! Спустили воду из водохранилища, чтоб Новороссийск не затопило! Откуда ж волна такая на нас обрушилась?

— Молчи, дед, не может этого быть! — взмолилась Варвара Семёновна. Она лучом фонарика прошлась по второму этажу. Анфиса — стояла в холле, опершись о подоконник. Мальчишки в спальне прильнули к окнам. Ирина с Олесей — в девчачьей комнате.

— Ира, ты переделалась? Все сухие?

— Варвара Семёновна, вы сами халат поменяйте. Я вот юбку вам нашла и кофту Анфисину.

Варвара подчинилась. Потом дрожащей рукой зажгла свечку, экономя батарейки: кто знает, сколько придётся сидеть в темноте. И вышла к старшей внучке. Из окна второго этажа при вспышках белых молний увидела полностью затопленный двор. Уже не видно заборов! Деревья скрылись по самые кроны. Один за другим возникали смерчи, словно некие живые существа вздымались из-под воды. Несло и крутило невестку откуда взявшиеся белые длинные холодильники. Ветки, сломанные деревья, покорёженные листы железа, балки, разбитая мебель плыли во множестве.

— Это похоже... на цунами!.. И океан не нужен! — из комнаты вышла Ирина, вслед за ней повыскакивали дети. — Может, и правда, прорвало водохранилище?!

— Неужели у нашей речки такая сила? — тихо спросила старшая внучка. — Я читала, что древние шапсуги сравнивали удар воды с гор с прыжком барса. Впереди Зверя движутся его длинные лапы. Острыми когтями вскипают буруны. И смерть тем, кто не понял, что видит “лапы”! Следом налетает огромное тело наводнения! И от удара о препятствие вздымается гигантская голова. Безжалостные глаза водяного барса глядят в лицо не успевшим бежать. Гул миллионов тонн сходящей воды — его рёв. Уцелеть нельзя! Можно только понять, что на тебя летит Смерть!

— Откуда ты это знаешь? Ты придумала?! — закричала Олеся.

— Анфиса, прекрати пугать детей! — возмутилась Ирина, но в голосе её было больше страха, чем угрозы.

— Ох, страшно представить, что во дворе у нас... — не выдержал и простонал дед.

— Мама, а как же кролики? Деда, кроликов надо спасать! — вскинулся Захар.

— Виктор, ну, зачем ты им напомнил?!.. — встала Варвара и осеклась, закрыла лицо ладонью.

— А Зорька?! — тут же всполошилась о корове Олеся. — Зорька наша утонет?! — заплакала девочка.

— Ма-а-а, Зорька утонет! Она плыть не сможет, она же привязана! — младший с рёвом уткнулся в подол матери. — Надо Зорьку забрать! Мама-а!

“Не спасти тебя, кормилица наша! — Семёновна ушла в комнату девочек, глотая слёзы. — Хоть бы дети про соседей не спросили! Что ответить? Как они? Успели на крышу залезть? А может, спали уже? Бедная баба Нюра!” Малыши любили соседскую бабушку. Жила она одиноко, часто баловала ребят то горохом с огорода, то первыми фруктами из сада, гостинчиками от “лисички” на праздники. “Хоть бы не сказали про неё! Младшие, может, и не додумают, а вот Анфиса...”

Варвара выглянула в холл. Внучка молча и неподвижно смотрела в окно. Варвара Семёновна несколько раз окликнула, чтобы та помогла собирать вещи из спален, Анфиса не реагировала. Сама бабушка с фонариком в руках заметалась по второму этажу, складывая на раскинутое покрывало тёплые детские одежки, одеяла. Захар крутился рядом.

Ирина, как могла, ободряла детей, подошла к старшей, пошептала что-то на ухо, потом обняла Игорька с Олеськой, прижала к себе.

— Дом у нас каменный, двухэтажный, он всё выдержит, никакие смерчи ему не страшны, — уговаривал домашних дед. Он стоял на лестнице между первым и вторым этажом, то ли не имея сил подняться, то ли измеряя уровень воды. Когда она подступала к его ногам, поднимался на следующую ступеньку. Видеть, как скрылся под водой диван, поплыли стол, стулья, он не мог, по набухающим от воды тапкам следил за наступлением воды....

Очень скоро первый этаж заполнился под потолок. Злая бездна то дотягивалась до верхней ступеньки лестницы, где стоял дед, то снова чуть отступала. Виктор прислушивался, как за стенами продолжала бушевать неистовая сила. Вода наверняка уже достигала карнизов одноэтажных домов. Живы ли соседи по улице? Может, сидит кто на крышах соседских? Как расслышать в гуле стихии, в раскатах грома голоса человеческие?

— Варя! Вода на второй этаж пошла! — сигнализировал дед. — Надо детей на чердак, а то и на крышу придётся... давай лок открывать, — с трудом выбирался он с лестницы.

“И как собирается с люком справляться, если сам еле передвигается...” Лестница приставная, деревянная, хлипкая находилась в углу холла, сама Варвара Семёновна никогда не поднималась по ней. Притащил её когда-то Роман. И какое счастье, что дед так и не собрался убрать её в гараж!

Теперь Варвара вместе с мужем подтащили лестницу к люку. Виктор Сергеевич страховал: держал, чтобы меньше качалась, не сдвинулась. Конечно, сам подняться и открыть чердак он не мог. “И почему Роман не укрепил хорошенько лестницу! Сколько раз добирался до своей лежанки... — беззвучно стонала Варвара, покоря ступеньку за ступенькой. — Как Ирочка теперь? Сможет ли? А если треснет балка — мы погибнем...” Варвара Семёновна, наконец, упёрлась в чердачный люк, руками и головой изо всех сил надавила на него и откинула с грохотом! Но, кажется, шум был слышен только ей.

— Ну? Как ты? Открыла?! Молодец, мать! Лезь, Варя! Не тяни! Будешь детей принимать!

Варвара ещё постояла на лестнице, дрожащими руками ощупала чердачный пол рядом с люком, “ткнула” лучом фонарика в огромные мешки с пенопластом, которым когда-то утепляли крышу, в картонные коробки, рейки, мелкие деревянные, стоящие по углам.

— Варя, не тяни! Залезай!

И она смогла подняться на руках, перевалиться, вползти на чердак.

— Всё? Сидишь наверху? Мальчишки, бегом наверх! — приказывал согнувшийся возле лестницы дед.

Игорь с Захаром, словно обезьянки, друг за другом полезли к бабушке, ей почти не пришлось помогать им. Только светить фонариком, чтобы они сориентировались наверху. Олеся тоже смогла подняться почти самостоятельно. Её уже возле люка поддерживали братья. Очередь дошла до старшей, Анфисы. Та стояла у окна, не шевелясь.

Мать подошла к дочери, взяла за руку, попыталась повести за собой. Но Анфиса отшатнулась от матери. Ирина заговорила с ней как можно спокойнее, объясняла, что необходимо сделать.

Вода, между тем, прибывала, пол стал очень скользким.

— Анфиса, умоляю тебя, доченька, лезь на чердак. Здесь нельзя больше оставаться, вода поднимается!

— Нет! Я не буду, зверь запрыгнет и на чердак! У него длинные лапы! — Анфиса отступала от матери и рисковала оступиться в чёрную яму с водой, поглотившей первый этаж. — Я не уйду отсюда! Не трогайте меня!

— Анфиса, не бойся! Анфиса, иди к нам! — кричали ей сверху.

— Внуча, ты же старшая! Посмотри, мальши не побоялись. Бабушка даже смогла подняться! — басил дед.

— Мать пожалей! — совестила бабушка.

— Доченька, послушай меня! — Ирина потянулась к ней.

— Нет! — вывернулась Анфиса.

Крики взрослых только ещё больше пугали её. А тут и ребята подключились, Олеся возмущённо пицала, Игорь, как самый младший и храбрый, надеяживался, увещевая трусиху.

— Нет! Я не полезу на чердак! Не трогайте меня! Отойди! Я не полезу туда! — иступлённо твердила Анфиса.

Ничего не оставалось, как силой спасти внучку. Упирающуюся девчонку почти волоком дед с Ириной потащила к лестнице.

— Доченька, надо подняться! Не бойся! Там бабушка и Олесья там! Посмотри, Захар тебе руку тянет! Анфиса, роднёнькая! — причитала мама девочки.

И вот удалось направить её на лестницу. Дед тянул за руки, потом страховал сбоку, невестка упёрлась ей в спину, заставляла двигаться ступенька за ступенькой.

— Бабушка!.. Принимай! — с трудом басил дед.

— Да откуда ж силы взять? Анфиса, поднимайся, голубка моя!

“Неужели не выдюжу? Господи, помоги!”

— Захар, Олеся, меня держите!! — Варвара Семёновна не узнала своего голоса. Стараясь перехватить Анфису, она как можно сильнее высунулась из чердачного проёма. Младшие внуки надели на бабушку сзади, пытаясь страховать. Захар вместе с Варварой Семёновной тянулся к сестре и вцепился в её свитер. Бабушка — за правую руку. Снизу девочка толкала дед с Ириной. Кое-как всем вместе удалось справиться и затащить Анфису наверх. Варвара Семёновна отвела её подальше от проёма, обняла, прижала к себе. Анфиса стеснялась плакать перед младшими, страха своего стеснялась. Спряталась на бабушкиной груди и никак не могла успокоиться.

— Ты не держи в себе, поплачь, поплачь, миленькая! Легче будет... — всхлипывала Варвара.

На чердак без всякой посторонней помощи влезла невестка. Внуки обступили её. Ирина глядела на Анфису, но не подходила, боясь ещё больше разволновать дочь.

А времени на нежности не было. Нужно устраивать ночлег, забирать на чердак припасённое Варварой Семёновной, чтоб спасти от прибывающей воды. Чуть успокоив внучку, бабушка и сама приободрилась, желание действовать добавило сил, она кликнула мальчишек, и те устремились вниз за вещами. Захар с Игорем затащили на чердак уже подмоченные уклунки с одеялами и подушками, свечи и продукты, что в панике похватили бабушка

с мамой на кухне. Жаль, питьевой воды среди собранного не было! И пришлось уговаривать детей не налегать на конфеты.

Пока осваивали чердак, расчищали место для ночлега, постели устраивали, прошло минут сорок. Виктор снизу не подавал голоса, и Варвара забеспокоилась:

— Дед, вода всё прибывает?

— Нет, уходит, вроде! Я уже на три ступеньки вниз спустился!

— Поднимайся к нам! Хватит тебе ступеньки шупать! Давай на чердаке все переночуем! Завтра увидишь, как там будет. — Варвара Семёновна опустила луч фонарика, стараясь рассмотреть фигуру мужа, торчавшую из лестничного проёма.

— Я здесь останусь. Уходит помаленьку вода! И дождь стихает... Слышишь, колотить по крыше меньше стало?

Варвара Семёновна наострила уши, пытаясь убедиться в правоте слов Виктора. Но вместо так ожидаемого затишья страшный взрыв раздался во дворе, и свет от языков пламени плеснул в окна второго этажа, в чердачное окошко.

— Мамочка! — истошным голосом завопила Олеся.

— Ух, ты, вот это бабахнуло! — прыгнули к окну мальчишки. — Ма, можно спуститься, посмотреть — что там?

— Не смейте спускаться! Все сидите здесь!

— Мы горим! Дом горит? — кричала Варвара мужу

— Дедушка! — звала Анфиса. — Деда, что могло вспыхнуть? Отчего взрыв!

— Скорее всего — газ рвануло, — осипшим от волнения голосом откликнулся дед. — Видно, баллон смерч зацепил. Плохо дело, уходит надо. Сгорим мы тут.

— Куда уходить? Мы же утонем все!

— Говорю вам: отступает вроде вода. Вот и загорелось поэтому. Иначе б пожару не вспыхнуть... Один баллон у меня под навесом хранился, другой — тот, что к плите подключён. Какой из них шарахнул — неизвестно. Мать, слышь меня? Надо уходить, взрыв может повториться! Второй этаж польхнёт и на чердак перекинется... от дыма задохнёмся.

— Как уходить, Витя? Выплавь?! Двор весь залит, окон внизу не видно! Ты потопить нас хочешь?

— Мам! Ба! Новая волна! Цунами новое! — подняли ор мальчишки.

Варвара Семёновна беспомощно чиркнула лучом фонарика по крыше чердака, пытаясь “рассмотреть”, что творится за его пределами. И снова ткнула вниз, туда, где муж.

— Поднимайся, Витя! Хотя б на второй этаж зайди!

Но он будто не слышал её слов. Копошился внизу. И что он там мог делать незрячий?!

— Господи!! Да услышь Ты нас! Дети, молитесь! Ира, молись с детьми вместе!!! Господи, помилуй нас!!! Спаси нас, Господи!

— Если новая волна идёт — может, пожар загасит!

И опять ревущий удар такой силы, что стены задрожали.

— Не бойтесь, Олесечка, Анфиса! Вода нас не достанет! Внушеньки, дед не зря всю жизнь лопатил в колхозе, дом крепкий для вас выстроил! Не плачьте!

Раскаты грома заглушили его слова, белым светом плеснуло в чердачном окне, а после — густая тьма.

— Деда, а пожар не видно! Не светится уже!

И действительно, в прибывшей волне захлебнулось лютое пламя. Исчез отсвет его, и стало ещё темнее среди бушующего моря.

— Витя, Христом Богом прошу, поднимись к нам!

— Уймись! Внуками занимайся! Молитвы читайте!

Варвара Семёновна ушам своим не поверила: уж если Виктор призывает молитвы читать... Тяжко поднялась с колен.

— Ира, у тебя “Молитвослов” где?

— У девчонок в спальне есть. На полочке...

— Я знаю! — подскочил Захар. — Можно, принесу?

— Только осторожно, сына! Фонарик возьми! Фонарик возьми! Дай я тебя подстрахую! Не спеши! Там пол скользкий!

— Чур, и читать я буду! — голос Захара звучал уже с лестницы.

Варвара Семёновна в свете свечи листала принесённую внуком маленькую книжицу в твёрдом переплёте, искала молитву Николаю Чудотворцу.

— Вот, Захар, держи. С Олесей вместе читайте.

— А я им показывать буду. У меня огонёк в телефоне, — подскочил к бабушке Игорь. Его игрушечный телефон светился бледно-голубым светом.

— Посвети, умница моя, — кивнула Варвара Семёновна. — А вы попробуйте прочитать. Видно?

— О, всеблагий отче Николае, пастырю и учителю всех верою притекающих к твоему заступлению и теплою молитвою тебе призывающих! — начал осторожно читать Захар. Олеся повторяла за ним. — Скоро потщися и избави Христово стадо от волков, губящих е; и всякую страну христианскую огради и сохрани святыми твоими молитвами, от мирскаго мятежа, труса, нашествия иноплемеников и междоусобныя брани, от глада, потопа, огня и напрасныя смерти...

— ...от глада, потопа, огня, — шептала вслед за внуком Варвара Семёновна, осеняя детей крестом.

— Избави мя гнева Божия и вечныя казни, яко да твоим ходатайством и помощию. Своим же милосердием и благодатию Христос Бог тихое и безгрешное житие даст ми пожити в веце сем и избавит мя шу... шу...

— Ба, не пойму чего написано!

— Дальше читай!

— ...стояния, — закончил внук. — Ба! Всё! Ещё читать?

— Ещё читай. Пока вода не уйдёт, читать будем... Господи, помилуй нас, грешных...

Варвара Семёновна подошла к окошку, смотрела, как крутит поток внизу. И то ли вправду, то ли мерещились ей трупы людей в страшной волне.

— Заполночь уже... — подошла к свекрови Ирина. — Может, спать их уложить?

— Даже не думай! Спать никому нельзя. Будем молиться, пока не стихнет.

Молитвы читали вместе: бабушка, внуки, невестка. Дед шёпотом повторял за ними некоторые слова, с надеждой прислушивался к гулу воды за стенами. Страшная ночь продолжала бушевать. Скольких сгубила? Унесла в темноту?

— Господь послал людям всемирный потоп за то, что они не слушались его. Вот и нам пришло время вразумления, — тихо вздохнула Варвара Семёновна. Дети смолкли, прижались друг к другу.

— Бабушка, а Господь всех утопил?

— Он не людей утопил, а зло людское... И ведь в то время никто не верил в потоп. И дождей-то тогда не шло, земля паром орошалась... Вот и мы разве могли поверить, что река наша до самой крыши дома затопит? Вразумляет Господь люди Своя... — последние слова Варвара Семёновна произнесла лишь губами, стараясь скрыть смысл произносимого. Да и не смогла бы она сказать их громче: слёзы горло сдавили.

— Молитесь, дети, просите Бога пощадить нас, — Ирина обняла свекровь. Подошла Анфиса и тоже прижалась к матери с бабушкой.

В третьем часу ночи вода начала спадать. Дед закричал об этом снизу, и домочадцы, прильнув к стёклам чердачным, с надеждой вглядывались в темноту.

— А если опять повторится? Гром вон как бухает...

— Ты права, — согласилась с невесткой свекровь, — вода спадёт, и уходить надо. Спасёмся, когда на гору поднимемся. Подальше от реки...

Примерно через час проступили из воды сначала кусты калины, потом колодец стало видно. Двор оголился. Дед спустился вниз и протрубил радостно:

— Мне выше колена!

Загребая и шлёпая жижей так, что слышно было на чердаке, он пробрался к входной двери. Открыть не удалось. Её забаррикадировали приплывшие с волной холодильники и даже чей-то джип прибило к крыльцу, он просматривался сверху.

— Мать, что делать будем? На окнах-то решётки!

Варвара Семёновна медленно, осторожно отыскивая ногой каждую ступеньку ненадёжной лестницы, спустилась на второй этаж. Потом по скользким ступеням вниз, в мокрую темноту первого этажа, и вот у самых ног колышется вода. В бледном свете фонарика словно шкура хищного барса переливается... Варвара чуть помедлила, задержала дыхание и — ухнула в темноту! Ноги обжёг холод, продрал до самой макушки. Осторожно обходя плавающую в воде мебель, дошла, наконец, до двери. Вцепилась в мужа, будто проверяла — точно живой и невредимый? Потом вместе они толкали железную дверь, пытались открыть, сдвинуть преграды на крыльце, но образовалась лишь небольшая щель, вода из кухни устремилась на улицу.

— Значит, там уровень ещё ниже! Так... решётки я не сорву. А детей срочно снимать надо — и на гору! Будете спускаться из окна второго этажа, пока воды снова не прибило! Хорошо, лестница есть!

— Божья милость, ушла волна, а дождь-то не прекращается...

— Вы спускайтесь быстрее. Пойдём, помогу с лестницей.

Вдвоём они скомандовали, чтобы дети слезали с чердака. Варвару Семёновну била мелкая дрожь. И не только от холода. А вдруг сейчас снова начнёт прибывать? Не успеют дети на гору взойти? Или те, кто спустятся первыми, не смогут вернуться в дом в случае “цунами”?

Вместе с мужем и невесткой тащили лестницу, которую нужно было донести до окна, спустить вниз, во двор.

— Подоконник осторожнее, — хрипел дед, — не попортить бы! Держите повыше! Захар, страхуй!

Мальчишка бросился на подмогу, распахнул окно. И сразу комнату наполнил резкий сырой воздух. Холодной влагой протянуло по мокрому телу Варвары Семёновны. Ног она уже не чувствовала.

Наконец, получилось: опустили деревянную лестницу так, чтоб меньше качалась, — с упором в стену.

Захару, как самому лёгкому из старших, дозволили опробовать маршрут. Босыми ногами парнишка шустро зачмокал по перекладинам, не без опаски ступил в воду.

— Ба, мне вода по колено достаёт! Пройти можно! Спускайтесь быстрее!

Начали отправлять вниз девчонок, сначала Анфису, она в этот раз без лишних понуканий справилась. Потом Олесю.

— Ой, вода холодная! — заскулила она из темноты. — И дождь!

По хлипкой лестнице ушла Ирина. Варвара Семёновна помогла ей сначала залезть на подоконник, потом страховала, держала за руки, сколько хватало возможности.

— Всё! Мама внизу! — зазвенели радостные голоса.

И Варвара Семёновна выдохнула, широко крестясь: “Слава Богу!” И уже во всю мощь:

— А теперь возьмите маму за руки и ведите на гору! Быстро! Бегите на поляну!!!

— Ба, а вы с дедушкой?!

— Варвара Семёновна! Виктор Сергеевич, мы поможем!

— Варя, спускайся, — Виктор стоял, упершись в подоконник. — А я не смогу. Даже не проси.

— Не ждите нас! Маму, спасайте! Уводите маму скорее! Вода может вернуться! Христом Богом прошу! Ирина, спасай детей! — Варвара Семёновна сама удивилась, настолько грозно прозвучали её слова, но, кажется, последние силы вложила она в этот крик, уже не могла стоять, склонилась на подоконник и пыталась следить за детьми.

Послушались её внучата! По удаляющимся в сторону огорода детским голосам дедушка с бабушкой поняли это. Но вдруг:

— Ба, я здесь, я вам помогу! — голос Захара внизу, совсем рядом.

— Витя, — Варвара осела вниз, на пол. — Витенька, ты слышишь?.. Я без тебя не сумею. А внук погибнет из-за нас...

— Захар! Не смей там стоять! Беги наверх за мамой и ребятами! Беги, Захар!!! Ради нас с бабушкой — беги!!!

Столько силы было в дедовских криках, столько боли, что внук заплакал, завыл внизу от страха.

Семёновна сидела на полу, казалось, и шага уже не сделать ей, не двинуться даже...

— Варя, вставай! Тебе вниз надо.

— А ты?

— А я не смогу по лестнице, ты же знаешь! Я здесь, в доме, и то еле-еле. А теперь всё... Прости меня...

— Прости?.. Какое тебе прощение? — вяло отозвалась Варвара. Кряхтя, оторвала себя от пола. Отряхнула, оправила юбку. — Прощу, когда спустишься. Ты спустишься только, а там я тебя дотяну.

Высунулась из окна, выглядывая фигурку внука. Ушёл мальчишка! И как Ирина не уследила за ним?

— Витя, я полезу первая, ты сразу за мной, я буду поддерживать тебя. ...Ты сможешь, — она пыталась говорить, как можно легче и уверенней, но внутри всё сжалось.

Муж не откликнулся. И Варвара рухнула в ноги к нему, обхватила колени, завывала:

— Не бросай! Витя, не бросай меня! Как я одна с детьми останусь? Витя, нам вместе их спасти, растить, в люди поднимать! Витенька, не оставляй меня! Не оставляй меня, миленький, сироту горькую! Ну, давай, пойдём, родной?! Нам вместе надо! Вместе! Ромашка-то наш... Кто ж за него молиться будет?!

Она уже не кричала, не говорила, а вытрясала из себя слова. Держала мужа за руки, словно через минуту исчезнет её Виктор.

И он сдался...

Скрипела, прогибалась, грозила треснуть треклятая лестница, не хотели слушаться руки-ноги от парализующего страха и неуклюжей старости. На последних ступенях Варвара Семёновна не удержалась, соскользнула с перекладины, плюхнулась в воду, ободрав руки до крови и ударившись правой коленкой о невидимый камень. Но боль и страх ничего не значили, потому что Виктор — спускается! Она приняла его внизу, помогла встать, где потвёрже, выпрямиться, но он снова обмяк, согнулся беспомощно.

— Витечка... Держись за меня, держись, сейчас пойдём наверх...

— Не могу!.. Говорил же тебе — не могу идти!.. — то ли шептал, то ли плакал муж. — Не могу... Не мучай меня! И сама не мучайся... Спасайся...

Для вконец обессилевшей жены слова Виктора прозвучали, как знак приближающейся смерти.

Она застыла у лестницы, медленным взглядом осматривая окрестности. Мгла слегка рассеялась, посерела, и открылось, что в гибельной ночи ничего не осталось от привычного мира. Земли нет — только вода. Двор не узнать: крыльцо закрыла чья-то разбитая машина, рядом с ней — холодильники, словно гробы белые расставлены. У забора месиво: торчат ветки деревьев, балки, искорёженные листы железа и ломаный сайдинг, — похоже, часть крыши. Плавают игрушки детские, дохлые куры. Чьи — свои или соседские?

— В сарай заглянуть бы... к Зорьке... — выдохнул Виктор. — А! Пропало всё! Полный двор падали у нас. Как ещё тушу вытаскивать...

Она не ответила, смотрела в сторону соседей. Что происходит там? Какие-то неясные звуки слышались ей: и крики, и хлопки, похожие на взрывы.

Через два дома в небольшой хатёнке жили сёстры с младенчиком. Мальчик родился месяц назад у старшей, Лидии; младшая, Елена, помогала выхаживать кроху.

— Витя, как думаешь, спаслись Лида с ребёнком?

— Ты разве не поняла?! Дома, как корабли: пять-десять минут — и на дно... Наш первый этаж почти мигом ушёл... А саманные под такой волной?

— Пришёл наш час. Пришёл конец света! Не выжить!..

Муж даже не пытался утешить её, успокоить; обречённо согнутая спина его была жалкой и беззащитной, и мучительно для Варвары было смотреть на него. Почудилось ей, как кровожадный зверь-волна набрасывается на покорное тело и уносит вместе с белыми гробами. “Сейчас снова накроет!”

Варвара выпрямилась, будто и впрямь имела силы остановить чудовище. “Коль бьётся сердце — нельзя ждать смерти”.

— Витя, пойдём к ребятам! Спуститься смог — и дальше получится! Я тебя выведу!

Она подошла к нему, сцепила безвольные руки мужа на своей груди.

— Держись за меня!

И почти взвалила Виктора на спину.

— Ты хоть немного ногами перебирай... Я тебя тащить буду!

Виктор беспомощно охнул, подчинился.

Они двинулись по направлению к темнеющей на фоне вялого рассвета горе.

* * *

В плацкартном вагоне, который вторые сутки катил из Новороссийска в Москву под июльским белёсым небом, пассажиры, примученные духотой, резкими запахами китайских супов и биотуалетов, под конец пути развлекали себя новыми знакомствами. Варвара Семёновна, склонённая над тонкой книжицей, приподняла голову, прислушалась к голосам в соседнем купе, куда недавно подсел пассажир, кудлатый парень лет тридцати. Разговор, заинтересовавший её, разгорался всё сильнее, спорили о случившемся год назад наводнении.

— Да о чём вы? Речка Адагум, на которой Крымск стоит, погнала волну такую, что трактор “Беларусь” как пёрышко пронесло практически по всему городу! — рассказывал парень.

— С этим никто не спорит, волна неслась семиметровая. Я о причинах! Был слив Неберджаевского водохранилища! — категорически вставил слово наскучавшийся пенсионер в хэбэшных трениках.

— А я вам факты приведу. Да, из Неберджаевки берётся питьевая вода для Новороссийска, но качают её насосами! И чтобы она пошла самотёком, уровень должен достичь как минимум 200 метров над морем. И находится-то водохранилище по другую сторону гор! Так что, хоть и вопили про слив, вода упорно отказывается течь в гору. Потом, помню, кто-то в инете крикнул: “Спасали уютные дачки!” — но дачки местных и федеральных бонз, что неудивительно, оказались тоже у моря, то есть опять же по другую сторону гор!

— Вы не всё знаете, молодой человек. Есть ещё нефтебаза “Роснефти” в Грушёвой балке, Атакаевские водохранилища.

— Я хорошо изучил вопрос в отличие от вас! — задирался молодой. — Про “Роснефть” искатели правды даже видеоролик сделали. Но снова попали в жир ногами: нижняя точка нефтебазы на 50 метров выше дамбы Неберджаевского! Проектировали-то её не идиоты!

— Так вы оправдываете власти?

— Я, в отличие от многих, стараюсь, прежде всего, разобраться с проблемой. Но согласен, что вариант со сливом по указанию “преступных властей” был настолько жирным и фантастическим, что губернатору Ткачёву не оставалось ничего другого, как посадить троллящих в вертолёт и показать картину с высоты птичьего полёта. И мужики оказались мужиками, не стали включать любимое “высурковская пропаганда”, а написали в инете, что увидели на следующий день после потопы. Вывод прост: ни Неберджаевское, ни Атакайские водохранилища не могли быть причиной потопы.

— И что ж тогда погубило город?

— Всё элементарно. Запущенное хозяйство: десять лет не чистили русла рек, не укрепляли дамбы, не вели гидрометеорологических наблюдений. Но и это не главное! Вы только представьте количество осадков, выпавшее в те дни: в пике паводка — это около полутора тысяч кубометров в секунду! Чего ж удивляться тому, как вода, тактично разбудив спящих скромным стуком в дверь, стремительным домкратом достигала потолка!..

Варвара Семёновна решительно отодвинула книжку — не могла она спокойно слушать о пережитом потопе. Слишком живые картины встали перед её глазами. Заметив, что к разговору о наводнении прислушивается и пассажирка, чьё место было напротив, нижнее боковое, Варвара Семёновна слово за слово разговорилась с ней. Коротко стриженная, лет пятидесяти, та настолько внимательно и участливо слушала попутчицу, что неожиданно для себя Варвара разоткровенничалась. И не только про ужасы потопа поведала, про волну, которая пришла, как только успела Варвара дотащить своего Виктора до полянки горной. А там встречал их знакомый пасечник, чей дом стоял на горе. И уже втроём добрались они до его калитки, до Иринки с ребятами.

Когда вода ушла, беды меньше не стало: заголосили по утопленным и пропавшим без вести, по вывороченным, разваленным домам. По домашнему зверью, по имуществу раздавленному, разрушенному, разбитому, погрязшему в жирной муляке. Вспомнила Варвара, как помогали справляться с бедой волонтеры, снабжали водой, разбирали завалы, от грязи расчищали дворы и помещения. Дом Варвары стал штабом, куда везли вещи для пострадавших. Вместе с невесткой и мужем распределяли необходимое для самых нуждающихся...

И не сдержалась — про Ирину свою горемычную, про сына поведала. Облегчила душу, так что затуманился взгляд старушки. И осеклась Семёновна, притихла. Невестка для неё теперь роднее сына стала. Мечталось, чтоб пришло к ней счастье не только материнское. Но Ирина и слышать не хочет про знакомства новые. Запрещает даже заговаривать свекрови об этом. Может, о Романе до сих пор думает?..

— Варвара Семёновна, вы не сказали — сейчас как там у вас? Дом высох? Обустроили помещения?

Она кивнула, коротко ответила: “Всё слава Богу”. Но по изношенному чёрному платью её, по растоптанному туфлям на толстой подошве было видно, что переживает семья не лучшие времена.

А коли так, чего ж дома не сидится? На какие средства путешествовать?

— А по какой нужде едете, Варвара Семёновна? В столицу зачем вам?

Варвара молчала, наверное, не услышала за грустными своими мыслями. А может, отвечать не хотела.

Поезд уже катил по московским улицам. Вещей у Варвары оказалось совсем немного. Она достала из-под полки небольшой саквояжик да надела на плечи рюкзак вроде школьного.

— Вы по какой нужде в столицу? — не унималась попутчица. — Подсказать вам что? Довезти? Меня муж на машине встречать будет!

— Я здесь так... недолго, — наконец, откликнулась Варвара, поправила съехавший на лоб платочек в мелкий горошек. — Я в Дивеево еду.

— В Дивеево? На богомолье, значит?

Варвара Семёновна опять не услышала вопроса, попрощалась и одной из первых в вагоне двинулась к выходу.